

Воспоминания

Порховское реальное училище

В начале XX в. в Порхове существовали несколько начальных учебных заведений: малое народное (1790 г.), уездное двухклассное (1814 г.), уездное трехклассное (1832 г.), трехклассное городское (1900 г.)¹ и четырехклассное городское училище (1907 г.). Все они в 1912 г. были преобразованы в высшее начальное училище. В городе также действовали приходское (1814 г.) и духовное (1835 г.) училища и женская гимназия (1906 г.)². На одном из заседаний Порховской городской думы в 1905 г. прозвучало предложение об открытии среднего специального учебного заведения для подрастающей молодежи города и уезда. В том же году известный промышленник В.П. Ардамацкий выделил 7000 руб. на строительство реального училища в Порхове³, но окончательное решение вопроса о создании учебного заведения затянулось на семь лет. Реальное училище было торжественно открыто только в сентябре 1912 г. и приняло детей 10 – 11 летнего возраста, успешно завершивших начальное образование. Директором училища был назначен Василий Иванович Бувеский⁴.

Несмотря на то, что с начала XX в. в реальных училищах предписывалось наличие семи классов, в Порхове укомплектовать необходимое их число оказалось невозможным из-за недостатка учеников старших классов. В 1912 г. в реальном училище смогли сформировать только два класса: в первый класс было принято 25 человек, а во второй с большим трудом удалось набрать лишь 16. Из-за нехватки абитуриентов руководство училища было вынуждено принять во второй класс двух крестьянских детей, что по тем временам являлось большой редкостью. В дальнейшем в училище ежегодно появлялся очередной класс⁵, и в результате к 1917 г. оно превратилось в семиклассное, достиг-

нув полной структуры. Всего же в училище обучалось 105 учеников⁶. По своему социальному положению они происходили преимущественно из обеспеченных семей, составлявших элиту порховского общества. Как правило, это были дети местных предпринимателей, торговцев, государственных служащих и ремесленников. Здесь учились двое сыновей братьев Зацких (Николай и Леонид), а также Иогансон, Тидген, Масленниковы. Обучение в училище было платным и составляло 50 руб. в год⁷. Но руководство училища часто шло навстречу своим подопечным, наиболее стесненным в материальном положении, поэтому некоторые из них могли стать стипендиатами учебного заведения и обучались за государственный счет.

На протяжении всего своего существования Порховское реальное училище размещалось в одном и том же здании, расположенном в центре города, рядом с Соборной площадью. Учебные помещения училища были оборудованы в старом двухэтажном доме, фасад которого выходил на городскую площадь. Сначала училище занимало только второй его этаж, а с увеличением числа классов – и первый. Там же размещались кабинет директора, учительская и другие служебные помещения. При проектировании и строительстве это здание не предполагалось использовать в качестве учебного, но за неимением другого подходящего сооружения в городе городская дума передала под реальное училище именно его. С увеличением числа учащихся оно оказалось тесным и занятия стали проводиться в две смены, а уроки физической культуры из-за отсутствия специально оборудованного спортзала иногда проводились в коридоре. (Учащийся младших классов реального училища Б. Богданов впоследствии ошибочно утверждал, что «...в училище не уделялось никакого внимания физической подготовке учащихся

ся»⁸). Учитывая недостаток учебных площадей и думая о перспективах развития училища, городская дума 15 июля 1915 г. отвела для него участок площадью 9600 кв. саж. на Вокзальной улице, а затем был разработан проект нового здания⁹. Но в условиях военного времени оно построено не было.

Первые четыре года учащиеся реального училища, жившие за пределами города, были вынуждены самостоятельно решать жилищную проблему: проживать у родственников или снимать жилье в городе. С 1916 г. руководство училища смогло найти необходимые средства и организовать общежитие с полным содержанием своих воспитанников. Деревянное здание общежития располагалось на берегу реки, в 300-х метрах от городского моста через Шелонь.

В годы Первой мировой войны в Порхове было оборудовано несколько госпиталей для раненых солдат и офицеров русской армии, и реалисты старших классов нередко оказывали посильную помощь по их переноске, а организованный ими оркестр балалаечников и хор давали для раненых концерты¹⁰. Летом 1917 г., когда линия фронта приблизилась к Псковской губернии, был разработан план эвакуации учебных заведений вглубь страны. Порховские учебные заведения планировалось перевести в Сольвычегодск, в полученной инструкции рекомендовалось брать с собой «портреты царских особ, деньги и ценные бумаги, драгоценную утварь, редкие библиографические издания». Но по ряду причин эвакуация училища не состоялась¹¹.

Последний учебный год в училище пришелся на трагический 1917 г. Свершившиеся Февральская, а затем и Октябрьская революции резко изменили порядок жизни, набирала обороты Гражданская война, общество было расколото на противоборствующие лагеря. Революционные события вызвали изменения и в жизни порховских реалистов. Е.И. Гранат писал: «На уроках они продолжали держать себя достойно, но кончались занятия, и с

ними заканчивалась дисциплина. Гурьбой с шумом ходили по улицам. Иногда в вечерние и даже ночные часы посещали какие-то собрания, происходившие в Городской Управе. А там шли диспуты порой явно антисоветского характера»¹². В начале 1918 г. на левом берегу Шелони власти установили бюст К. Маркса, и группа реалистов в знак протеста революционным порядкам совершила маленькую «диверсию» против нового символа революции. Точно неизвестно, что именно они сделали с памятником – сбросили его с пьедестала или же запачкали грязью, – но так или иначе, за «надругательство» над памятником реалисты подверглись наказанию. Б. Богданов в своих мемуарах отмечал, что несколько учеников были задержаны и над ними «проходил громкий процесс»¹³.

В конце февраля 1918 г. реалистам 7-го класса объявили, что занятия с ними прекращаются и в ближайшие дни они получают аттестаты об окончании училища. 21 февраля 1918 г. состоялся небольшой выпускной вечер для реалистов: первые и последние 17 выпускников получили аттестаты об успешном завершении учебы. Директор В.И. Бувевский уехал в Кострому, а 10 октября 1918 г. Порховское реальное училище было объединено с женской гимназией, и на их базе образована советская школа второй ступени¹⁴.

В Порховском краеведческом музее хранится машинописный текст воспоминаний одного из выпускников 1918 г. - Е.И. Граната о годах, проведенных им в училище. В них рассказывается об учебе, повседневной жизни и быте реалистов, преподавателях училища, помощи раненым в годы Первой мировой войны, о первом (он же последний) выпуске. Автор пишет также об облике Порхова того времени. Настоящие воспоминания предлагаются вниманию читателей. Текст приводится по оригиналу, сохраняется авторский стиль, орфография и пунктуация.

Предисловие и подготовка текста к печати – М.В. Васильев, аспирант кафедры русской истории ПсковГУ.

Примечания

- 1 Иконников И.Н. Столетие Порховского уездного училища. – Псков, 1891. – С. 9.
- 2 Лебедев Е.Е. Порхов и его окрестности. Исторический очерк. – Великий Новгород, 1915. – С. 49 – 50.
- 3 ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 – 4.
- 4 Там же. Д. 2. Л. 2 – 5.
- 5 Фонды Порховского краеведческого музея (ПКМ). Ф. 48 – Г. Л. 1.
- 6 ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.
- 7 Маркова М.Т. Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900 – 1927 гг. – Псков, 2004. – С. 26.
- 8 ПКМ. Ф. 91 – А. Л. 38.
- 9 ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 13. Л. 23, 24.
- 10 ПКМ. Ф. 48 – Г. Л. 25; ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
- 11 ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 20. Л. 15, 20.
- 12 ПКМ. Ф. 48 – Г. Л. 27.
- 13 Там же. Ф. 91 – А. Л. 40.
- 14 ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 32. Л. 46.

Ч.Е. Гранат

Порховское реальное училище 1912 – 1918 гг.

Реальное училище и его ученики

В конце лета 1912 г. в г. Порхове впервые было открыто реальное училище, являвшееся общеобразовательным средним учебным заведением. Такие училища существовали в те времена далеко не во всех уездных городах. Это относилось к городам даже центральных регионов Российской империи. Аналогичных мужских учебных заведений в Порхове до этого не было.

В реальных училищах с начала XX столетия предусматривалось наличие семи классов. Иметь такое число классов в Порховском реальном училище сразу при его организации – практически не представлялось возможным. Это обуславливалось даже не отсутствием необходимой материальной базы. Невозможно было иметь достаточное число учащихся в старших классах. Их негде было набрать.

Вот и открылось в Порхове это училище, имея в своем составе только два класса. И если в первый класс без каких либо затруднений было принято 25 или 26 человек, то во второй класс их с большим трудом удалось

набрать лишь 16. Несколько человек добавилось в последние годы. Это, по-видимому, и явилось основанием и даже необходимостью принять во второй класс двух крестьянских детей. По тем временам реальные училища от приема таких учеников, скромно говоря, всемерно воздерживались.

Через год, т. е. в 1913 г., когда учащиеся второго класса закончили занятия, в училище был создан для них третий класс, в 1914 г. – четвертый и т.д. В результате, начиная с 1917 г., Порховское двухклассное (при организации) реальное училище превратилось в семиклассное и достигло своей нормальной структуры.

Вот и появились к этому времени, принятые в 1912 г. во второй класс первые выпускники (1918 г.) первого реального училища в г. Порхове. За все годы своего пребывания в этом училище они перманентно оставались учащимися самого старшего класса, и это определяло многое. Класс этот подобрался не очень тихий. Собралось много ребят, которым в домашних условиях все было дозволено. «Заводеловкой» во всех делах с самого начала был Леонид Зацкой.

Вернемся к 1912 г. Итак, 14 мальчиков впервые в своей жизни одели в 1912 г. установленную для реальных училищ форму, но с обозначением принадлежности этой формы именно к Порховскому училищу. Как и во всех училищах, ученики носили черные брюки на выпуск и черную определенного покроя курточку, наглухо застегивающуюся на металлические пуговицы. Широкий кожаный ремень для куртки имел большую медную пряжку с выпуклыми тремя буквами ПРУ, что означало: Порховское реальное училище. Пряжка отлично чистилась мелом. «Надраить» ее до блеска, так же как и слегка согнуть козырек фуражки считалось высшим шиком. Тонкие металлические буквы ПРУ маленького размера венчали кокарду ученической фуражки. Где изготавливались эти пряжки и кокарды? Кто знает? Ремень с массивной пряжкой кроме прямого назначения, служил учащимся добрую службу, являясь незаменимым оружием при всех драках. А повод для них всегда находился.

Что же представляли по социальному положению ученики, постоянно являвшиеся старшеклассниками? В основном это были дети элиты Порховского общества. К ним, прежде всего, относились сыновья братьев Зацких (Леонид и Николай), дети весьма материально обеспеченных родителей, как правило, местных предпринимателей и торговцев (Фуфаев, Жагот, Иогансон, Брунов и др.) и дети ремесленников. Сыновей рабочих не было. Детей крестьян как указывалось, было двое.

С 1912 по 1918 г. реальное училище размещалось в одном и том же здании. Трудно по прошествии столь долгих лет точно описать место нахождения в Порхове этого училища. Специально выстроенного для него здания не существовало. При своем открытии оно занимало часть длинного старого двухэтажного каменного дома, во дворе которого размещался ветеринарный пункт. Дом этот выходил своим фасадом на сравнительно небольшую городскую площадь в центральной части города. Хорошо помнится, что на этой площади периодически развешивалась ярмарка с массой лотков, павильонов с балаганами и каруселью. В противоположной части площади (несколько поодаль) стоял белый

собор (церковь?)¹. Сравнительно недалеко от него находилось здание, занимаемое уездной Земской Управой, а по другую сторону площади на втором этаже двухэтажного небольшого дома размещалась публичная читальня.

Вначале училище полностью размещалось на втором этаже указанного дома. С увеличением числа классов оно стало занимать и первый этаж, но старшие классы продолжали оставаться на втором этаже. Там же размещались и кабинет директора, учительская и другие служебные помещения. Площадь, занимаемая училищем, была явно недостаточной. Условия его существования были несравнимы с возможностями Порховской женской гимназии. Центральной частью второго этажа являлся небольшой по размерам школьный зал. В него выходили двери трех классовых комнат. Каждое утро перед занятиями в этом зале для всех учащихся читалась молитва. В нем же проводились для каждого класса в отдельности и уроки гимнастики. О величине зала можно судить по тому, что на уроках гимнастики он в состоянии был вместить лишь разборный турник и параллельные брусья. Занятия на остальных гимнастических снарядах (коне, кольцах, трапеции) приходилось вести в коридоре. Зал периодически использовался для различных общешкольных собраний, выполняя функции конференц-зала. В 1913 г. в нем происходило торжественное собрание учащихся по поводу 300-летия «Дома Романовых». Для педагогов в зал были принесены стулья и кресла. Ученики стояли в течение всего собрания. С докладом выступил незнакомый человек. Прошло с того времени свыше 70 лет. В памяти, как это часто бывает, остались лишь отдельные детали. Помнится, что докладчик уделил особое внимание моральному облику правящего императора Николая II. Он говорил о его добросердечии и бережливости, указывая, что когда император пишет карандашом, то в целях экономии никогда его не выбрасывает, пока не использует до последнего его возможности. Берег народное имущество самодержец Всероссийский. Почему именно это осталось в памяти? Может быть, произвело сильное впечатление, ведь внимали докладчику слушатели в возрасте 10 – 12 лет. А не засомневались ли они случайно в

правдивости столь красноречивых примеров, несмотря на свой возраст? И опять повторю – не понятно, почему именно это сохранила память.

Учебная программа реальных училищ значительно отличалась от программы мужской гимназии. Особое внимание в училищах обращалось не на гуманитарные науки, а на освоение учащимися математических дисциплин. Латинский язык и греческий в противоположность мужским гимназиям не преподавались. В связи с этим юноша, окончивший реальное училище, не имел доступа к вступительным экзаменам в некоторые факультеты университета. Для этого абитуриент заранее должен был дополнительно сдавать экзамен по древним («мертвым») языкам. Так, при поступлении на медицинский факультет университета требовалось свидетельство о знании латинского языка. В связи с чем, автору этих строк пришлось после окончания Порховского реального училища сдавать экзамен по латинскому языку в специальной комиссии Петроградского учебного округа. К числу предметов, преподаваемых в реальном училище, относились: русский язык, элементарная математика (арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия), физика, химия, история и география. В обязательном порядке изучалось два иностранных языка: немецкий и французский. Велись занятия по черчению, рисованию, а так же по гимнастике, пению и «закону Божьему».

Теперь о самих преподавателях. О тех, кто нас учил и воспитывал во время нашего пребывания в реальном училище, о тех, кто оставил о себе долгую и добрую память.

Наши педагоги

Директором реального училища со дня его основания был Василий Иванович Буевский. Одновременно он являлся для учеников старших классов и преподавателем русского языка. Должность, занимаемая В.И. Буевским, была по тем временам весьма престижной. Как директор реального училища он приравнялся к лицам высокого гражданского ранга. Обращаясь к нему с какой-либо просьбой в письменном виде ученики писали: «Его превосходительству директору Порховского реального училища, господину...»

В.И. Буевский пользовался в городе большим уважением, а ученики училища его безмерно боялись. И надо отдать должное педагогам – они достойно поддерживали авторитет директора. Был он относительно молодым, в возрасте примерно 40 – 42 лет. С учениками держал себя строго, но всегда оставался ровным и спокойным. Не запомнилось случая, чтобы он повысил голос. Ученики старшего класса встречались с ним на уроках часто – изучению русского языка отводилось немало времени. Особое внимание уделялось освоению морфологии языка и синтаксиса. Большие трудности представляло запоминание слов с буквой «ять» (ъ), что достигалось исключительно зубрежкой. Здорово зубрили, если об этом помнится через 75 лет.

В старших классах, когда стали изучать литературу, зубрежка кончилась. Этот предмет представлял для нас особую прелесть. В.И. Буевский умел его подать интересно и привить своим ученикам любовь к художественной литературе. Много времени он уделял разбору ученических произведений, выполненных по темам, предусмотренным школьной программой. Вместе с тем, отлично зная склонность своих 15 – 16 летних воспитанников к созданию собственных стихотворений, он всемерно поощрял это. Вспоминается, что иногда он проводил «вечера поэзии», на которых ученики читали стихотворения не только известных поэтов, но и свои собственные. Чаще всего они писали их в подражание поэтам-символистам, а также особо любимого нами А. Апухтина. Что это были за стихи – можно было только догадываться.

Но не только этим были обязаны ему [В.И. Буевскому] некоторые ученики. Лично я благодаря его стараниям стал стипендиатом училища и был освобожден от оплаты за учебу. А это для людей материально малообеспеченных являлось особо существенной помощью. Размер оплаты был солидным, а задержка в уплате влекла за собой исключение из числа учеников. Сохранился у меня интересный документ. В 1915 г. моя мать получила извещение из Алексеевского реального училища г. Кашина Тверской губернии о том, что ее сын Евгений, ученик 6 класса

«за невзнос платы за учебу к определенному сроку не будет допущен к занятиям». Не смотря на то, что учился он только на отличные оценки.

Инспектором реального училища состоял Михаил Борисович Эдемский. Впервые появился он на нашем горизонте примерно за 2,5 года до окончания нами училища. По возрасту он был старше всех педагогов (было ему примерно 50 лет). Приехал он как будто из Петрограда. Был он всегда сумрачным, крайне требовательным, резким в обращении. Умел он, отчитывая ученика, «вытянуть душу». А кому это понравится? Сейчас можно понять, что боролся Эдемский за жесткую дисциплину и это было, в известной мере, обосновано. Дисциплина среди учеников старшего класса в последний период их учебы явно расшаталась, но методы применяемые инспектором, учащимся не нравились. Ученики, например, считали, что М.Б. Эдемский систематично вечерами появлялся на разных улицах в центре города и ловко «ловил» зазевавшихся учеников, а последним после 9 часов вечера появляться на улице без родителей воспрещалось. Таков был закон реального училища. Ученикам казалось, что Эдемский выслеживал их, и они совершая по улицам «незаконные» прогулки, пристально всматривались: не появится ли где контур знакомой им высокой, слегка сторбленной фигуры. Попался один раз инспектору на глаза и автор этих строк. Остановил меня М.Б. Эдемский в центре города около существовавшего там памятника. Металлический памятник изображал (более чем в натуральную величину) бюст немолодого полного человека. Гравировка на постаменте гласила, что поставлен он Жуку (Жукову(?)) – поставщику Двора его императорского высочества².

Последний раз в своей жизни я встретил Михаила Эдемского в 1920 г. в Москве. Я шел в центральной части города по улице, носящей до революции название «Мясницкая». Неожиданно я остановился, мне показалось, что на противоположной стороне улицы идет наш инспектор. Я побежал, обогнал его и пошел навстречу. Это был Эдемский. Он сразу узнал меня. Мы дружески поздоровались и долго шли вместе и раз-

говаривали. Это был совсем на тот грозный инспектор. Расстались мы, как старые хорошие друзья... И после его ухода осталась тоска по городу моего детства и юности. Не знал я того, что Михаил Эдемский явится на многие годы последним для меня связующим звеном с г. Порховом. До этого в 1919 г. мимо Москвы проезжал один из наших учеников – Николай Жагот. Он сошел с поезда, сделал временную остановку и мы провели вместе несколько часов. Больше я его не видел и ничего не знаю, как и о всех своих одноклассниках. В этом же году на площади ныне им. Маяковского я случайно встретил знакомую мне по Порхову бывшую гимназистку – Евгению Векшинскую. Больше никогда и никого из жителей г. Порхова я не видел и все мои связи с городом оборвались.

Французскому языку нас обучала мадам Каджар – типичная по внешнему виду представительница восточных стран. Звали ее Варвара, по отчеству, кажется, Александровна, но так к ней ученики не обращались. Для них она «мадам Каджар». Она являлась эмигранткой из Персии. По своему происхождению имела отношение к правящей клике Персии – к знаменитой Каджарской династии и к тому же ее аристократической части. Подробностей о том, когда и как попала она в Россию мы не знали. Было только известно, что по какому-то соглашению ее вывезли вместе с родителями в нашу страну в связи с происшедшей в Персии междоусобицей среди представителей указанной клики. Совершенно очевидно, что это было давно. Она хорошо владела русским языком – говорила лишь с некоторым оттенком. Её сыновья были воспитанниками Пажеского корпуса в Петрограде. Как очутилась мадам Каджар в Порхове в разгаре первой империалистической войны – мы не знали.

Профессиональным педагогом она, по видимому, не была. Приходя на урок, она нередко доставала из сумочки том изданного на французском языке к.л. произведения Виктора Гюго, Ги де Мопассана или другого французского писателя – читала нам и тут же переводила каждый абзац. Так иногда ученики знакомились с некоторыми произведениями французских классиков.

В 1916 г. она стала изредка приглашать к себе домой несколько реалистов и гимназисток. Сейчас по прошествии многих лет можно думать, что и дома она стремилась продолжить свою воспитательную работу, привить своим ученикам некоторые навыки, которые они не могли получить непосредственно в школьных условиях. В своем доме она обучала соблюдать правила «хорошего тона». Долго это не продолжалось. Дошло до сведения директора реального училища и мадам, как стало известно, получила внушение, а с учениками никто и разговаривать не стал.

Преподавание по закону Божьему вел отец Виктор. Фамилии его не запомнилось, а может быть мы ее тогда и не знали³. Был это человек спокойный, добродушный, не отличавшийся иступленной религиозностью, не было в нем ничего фанатичного. Больше того, зная его вне училища, можно было убедиться, что был он «на миру» веселым, не чужд был всему, свойственному людям. К своим ученикам отец Виктор относился снисходительно, без особых требований. На его уроках можно было сидя за партой неплохо поиграть в «крестики» или «перышки». По-видимому, учитывая особенности его характера, и очевидно с его согласия, на его уроках в первые годы обучения присутствовали и учащиеся не православного вероисповедания. Руководство училища правильно решило, что лучше, чтобы эти дети сидели под надзором отца Виктора, чем «болтались» без дела неизвестно где. Сидя на этих уроках, мало вникая в их существо, они накрепко усвоили текст таких молитв, как «Отче наш» и узнавали в какие дни Святая церковь заповедует помянуть усопшего и т.п. Конечно, подобные сведения в дальнейшей жизни им не очень пригодились, но они крепко оставались в памяти наряду с рядом добрых советов, услышанных из уст отца Виктора.

Немецкий язык преподавала Елена Ивановна Мокич. Маленькая худенькая женщина, она всегда куда-то спешила, чем-то была озабочена и обычно вела занятия с каким-то нервным срывом. По прошествии многих лет возникла мысль, что, по-видимому, трудная у нее была жизнь, что тяжестью она легла на плечи этой женщины.

Занятия по истории вел Николай Иванович Баранов. О нем особых воспоминаний не сохранилось.

Преподавателем гимнастики был Николай Каспарович Вавер – чех. В те годы было принято приглашать чехов в качестве преподавателей гимнастики. Считалось, что именно среди чехов было много опытных специалистов по физическому воспитанию. В предусмотренные программой и планом часы мы занимались в основном гимнастикой на снарядах: на перекладине (турнике), параллельных брусьях, на кольцах, трапеции, на коне и т.д., а также обучались художественным упражнениям с палками и булавами. Все занятия проходили только в помещении училища (в зале и прилегающему к нему коридору). Николай Каспарович учил технике выполнения упражнения, но никогда их сам не совершал и, по-видимому, не мог – не позволяли возраст и излишняя полнота. Да это и не было обязательным. В прошлом он был профессиональным боксером. Он часто рассказывал о проведенных боях, демонстрируя свою мускулатуру. В 1916 – 1917 гг. Н.К. Вавер одновременно возглавлял существовавшее тогда общежитие для реалистов.

Теперь о самом дорогом нам педагоге, светлая память о котором осталась навсегда – о преподавателе арифметики (а затем алгебры и геометрии) – Николае Николаевиче Трофимове. Все годы нашего пребывания в Порховском реальном училище он был нашим классным воспитателем (руководителем). Пришел он в реальное училище, по-видимому, сразу же после окончания педагогического института. Ему было лет 25 – 26. Он быстро завоевал к себе доверие и сердечную признательность учеников. Ему они обязаны твердым знанием основ преподаваемой, как будто бы «сухой» дисциплины. Он сумел привить интерес к ней. Многие объясняемые им правила и задачи он всегда старался сочетать с какими-то жизненными ситуациями, и это создавало благополучные условия для усвоения предмета. В старших классах он не только разрешал, но и поощрял ученические споры на уроках о путях решения той или иной задачи: отыскать необычный, наиболее интересный путь ее решения было предметом гордости.

Думается, что заложенные им серьезные знания оказали многим его ученикам неоценимую помощь в их дальнейшей жизни. Мне лично они очень помогли при изучении основ научной статистики. Прошло столько лет, но и сейчас я могу доказать многие теоремы, хотя не имею к ним ни какого отношения. Я хорошо помню о равенстве и подобии треугольников и могу не задумываясь ответить, например, на вопрос, чему равняется $(a+b+c)^3$. Но не это, а вернее, не только это определило отношение учеников к преподавателю математики. Они хорошо знали, что в его лице найдут в нужную минуту верного защитника перед директором и педагогическим советом. Не один раз он в известной мере выручал своих подопечных от строгого наказания за безрассудные шалости, это в детском возрасте не забывается. С ним связаны многие страницы нашей жизни как непосредственно в училище, так и вне его. Он действительно являлся нашим воспитателем, тратя на нас значительную часть своего времени. Он был организатором нашего внешкольного досуга. Сопровождал нас во многих наших начинаниях. По воскресным дням Николай Николаевич организовывал для нас различные спортивные игры (будучи сам отличным спортсменом), ходил с нами в походы, являлся играющим тренером по футболу, после чего водил нас купаться в Шелони. Вот почему личные воспоминания об учебе в Порховском реальном училище неизбежно ассоциируются с Н.Н. Трофимовым, а при воспоминании о нем в памяти возникают различные страницы нашей жизни. Н.Н. Трофимов проявлял заботу об интеллектуальном росте своих учеников. Вспоминается, что по его инициативе был создан и успешно работал ученический т.н. «энциклопедический кружок». Периодически собираясь в отсутствие старших, мы пользуясь словарем, самостоятельно усваивали существо многих общепринятых, но нам не знакомых тогда слов, касающихся различных отраслей знаний. Негласным руководителем этого кружка был руководитель нашего класса.

Благодаря Н.Н. Трофимову мы научились танцевать и не плохо. Он добился того, что обучение подопечных искусству танца было поручено находившемуся в городе опытному специалисту. В результате чего, на

танцах с призами мы в городе забирали, как правило, все призы и это относилось в основном к нашему классу. Следует учесть, что к соблюдению техники танца в те годы предъявлялись строгие требования и в частности к постановке тела или, как тогда говорили, – к позитуре.

Хорошо помнится, что ученики старшего класса реального училища могли приходиться на танцы в женскую гимназию только по разрешению дирекции училища. На таких вечерах всегда присутствовал один из учителей реального училища (обычно Н.Н. Трофимов, как воспитатель учеников старшего класса). Если ученик не соблюдал определенного этикета, его отстраняли от танца, а иногда и лишали на определенное время возможности посещать такие вечера. Интересно вспомнить, что танцевать было принято в лайковых перчатках, Перед танцем следовало вежливо (с поклоном головы) пригласить даму (т. е. гимназистку) на танец. Наиболее приятными и любимыми танцами, требовавшими особой техники, был вальс и мазурка. Танцуя вальс, следовало даму держать на некотором расстоянии от себя. Надо было уметь вращаться и вправо и влево. Мазурку танцевали преимущественно под музыку Венявского четверьмя парами (в «четыре угла»). Дирижировал танцем один из учеников и только на французском языке. По окончании танца даму надлежало, склоняя голову, поблагодарить и проводить до ее места. Установки и надзор на соблюдение этикета были строгими. Одновременно следует сказать, что появление не только на таких вечерах, но и в любом «общественном месте» требовало разрешения руководства училища. Более того, если в училище устраивался какой либо увеселительный вечер, то самим ученикам предоставлялось право приглашать на этот вечер одного знакомого или знакомую, но только по именному списку, утвержденному директором училища.

Н.Н. Трофимов сопровождал учеников и в тех случаях, когда в женской гимназии они выступали с гимнастическими упражнениями или когда в здании гимназии или другого учреждения демонстрировались кинофильмы. Киноотеатра в то время в городе не было. Крайне редко происходила демон-

страция ленты с помощью кинематографа (так назывался привозимый специальный аппарат, что-то вроде передвижки). Первый фильм мы увидели в 1912 г. Демонстрация его была непродолжительна, показывали случай аварии на угольной шахте. Впечатление было изумительным. Помню, что хотелось подойти к развешанной на стене простыне и убедиться в том, что рядом с ней не двигаются люди.

Особую заботу проявлял Николай Николаевич о тех, кто жил вне семьи – на частной квартире или в общежитии реального училища. Он неоднократно посещал нас и делал все, что мог, чтобы мы жили более. Не его вина, что жизнь некоторых из нас была далеко незавидной. Да и не могла она быть иной. Не мог спокойно и хорошо жить мальчонка в 11 – 12 лет без матери, отца и других близких родственников в условиях того времени. Прошло после окончания реального училища несколько лет. Я был студентом Московского государственного университета. Часто вспоминая о Порхове, я как-то послал письмо Н.Н. Трофимову, в котором попытался изложить все хорошее, что осталось в сердце о своем учителе. Не знаю только, дошло ли письмо до него, а очень хотелось бы, чтобы дошло.

Необходимо рассказать еще об одной учительнице, хотя она и не преподавала в нашем классе. Она, по-видимому, успела только приступить к своей педагогической деятельности, начав вести уроки в одном из младших классов. Фамилии ее не запомнилось, но в памяти остался след о конце ее жизни. Это относится к началу учебного сезона в 1914 или 1915 гг. Как-то утром, когда ученики пришли в реальное училище, им сообщили, что занятий в этот день не будет – они отменяются. Причину тогда не объяснили, а «по домам» не распустили. Не решило еще, по-видимому, руководство училища, как надо поступить с учениками. Спустя некоторое время нам кто-то из педагогов рассказал, что пришедшая недавно на работу молодая учительница внезапно умерла и нас поведут отдать ей последний долг. Учеников всех классов построили и повели к дому покойной. Помнится, что был теплый осенний день и одноэтажный деревянный домик, стоявший где-то в глубине

не за палисадом. Директор сказал несколько слов, мы немного постояли, сняв фуражки в знак уважения и скорби, а затем нас отправили по домам. Но шила в мешке не утаишь, город маленький, в нем все о всех знают. И просочились в старший класс сведения, что учительница покончила с собою, приняв какое-то ядовитое вещество. А в дальнейшем мы узнали, что основанием для самоубийства послужила возникшая беременность при отсутствии «законного» брака. Вот почему от учеников пытались все скрыть. А сами ученики по малолетству и понять толком не могли и вскоре забыли тогда об этом случае. Не знаю, как другим, но мне о нем довелось не раз вспомнить много лет спустя.

Жизнь вне училища

Шесть лет продолжалось для постоянных старшекласников ученье в Порховском реальном училище. А как же протекала их жизнь вне школьных стен? У каждого поразному. Особо хотелось бы остановиться на внешкольной жизни тех учеников, которые не имели своего дома в Порхове и годы учебы провели не в своей семье. Только немногие из них жили у родственников и у своих знакомых. Остальные проживали по чужим углам. Таких к 1917 г. было 20 человек. Некоторым из них удавалось устроиться за соответствующую плату на полное содержание в чужих семьях, преимущественно материально малообеспеченных.

Но иногда «временные жильцы» попадали и в обеспеченные семьи. Обычно это относилось к тем семьям, в которых собственный сын был учеником того же класса, как и «жилец». Чем руководствовался глава такой семьи – неизвестно, но думается, что не чувством альтруизма или только жалости. В большинстве же случаев ученики, иногда даже разных классов, группировались по 3 – 4 человека и снимали в частных квартирах отдельную комнату, договариваясь о питании, смене постельного белья и др. Это обходилось для каждого из учеников дешевле. Прав был наш классный воспитатель Н.Н. Трофимов, когда во время одного из посещений нас на такой квартире сказал: «Рано вы начали студенческую жизнь». Практика показывала,

что почему-то на следующий год (при любом случае устройства с жильем) ученикам приходилось вновь искать себе пристанище, редко кто удерживался на одном месте два сезона. Кто в этом был виноват – сами ученики или хозяйки квартир – трудно на это ответить. Думаю, что платили ученики не очень много, а хлопот с ними было достаточно, и познав всю «прелесть» их содержания, квартирные хозяйки отказывались брать к себе таких жильцов на следующий год.

Одно лишь четко помнится, что отыскивать себе место временного жительства приходилось самим учащимся, т.е. подросткам в 14 – 15 лет и менее. Для этого надо было шагать от дома к дому и расспрашивать хозяев, не возьмут ли они к себе на постой. И обращаться надо было только в маленькие дома. Обращаться в большие не было смысла. И наконец, почти на два года (1916 – 1918) под одну крышу были собраны все иногородние в связи с организацией для них специального общежития.

Итак, существовало три варианта устройства ученика с жильем. О каждом из этих вариантов имею возможность поделиться личным опытом. Два года я провел «в одиночку» в чужих семьях. В каждой из них сыновья хозяев квартиры были моими одноклассниками. И сейчас я думаю, что несмотря на все достоинства такого варианта он был особенно тяжелым для самого жильца, если ему к тому же было мало лет. Чужая семья всегда остается чужой. Моральные переживания в ней подростка и особенно ребенка всегда бывают более острыми, чем при пребывании даже в чужих условиях, но среди таких же сверстников, будь это частная квартира или общежитие. Хорошо помню 1912 г. Мать привезла меня в Порхов, устроила учиться в реальное училище, а жить оставила в немецкой семье Линде. Петр Линде был моим одноклассником. Я проучился с ним вместе только один год – до его трагической гибели. Обстановка жизни, устои этой семьи были ориентированы только на все немецкое. Постоянно слышались явно отрицательные высказывания в адрес всего русского. Жить в такой атмосфере было психологически крайне трудно, если не сказать сильнее. Вне зависимости от этого постоянно надо было вы-

слушивать упреки и замечания за все то, что пришлось собственному сыну. Непрерывно приходилось видеть как его поощряли по каждому поводу. 1912 год был самым тяжелым годом в моей «самостоятельной» жизни. А было мне 11 лет.

1913 г. я прожил в семье своего товарища по училищу Леонида Щербинского. Хорошая была семья. И все же среди добрых людей я постоянно испытывал чувство одиночества. Этому способствовало систематическое пребывание Леонида вне домашних условий (а на это были некоторые причины). Почему-то запомнилось, что в тот год я совершенно не мог слышать доносящиеся иногда со станции гудки паровоза. При них каждый раз сжималось сердце и обострялось неисполнимое желание поездки к матери.

Два года я жил вместе с другими ребятами на частных квартирах. И за эти два года мы сменили три квартиры. Поселились как-то у женщины, имеющей грудного ребенка. Жила она вблизи станции (улица как будто бы называлась «Вокзальной»). В связи с заболеванием ребенка хозяйка квартиры была вынуждена перестать для нас готовить пищу. Пришлось временно договариваться с какой-то женщиной, живущей совсем в другой части города. Приходили мы к ней обедать сразу после окончания уроков и ждали обычно этого обеда по часу и более. Дома ее, как правило, не заставляли. Появлялась она внезапно, принося в большой сумке какие-то продукты, быстро их разогревала, кормила нас и так же быстро исчезала. Создавалось у нас абсолютное впечатление, что едим мы чьи-то объедки или ворованную пищу. Долго это, к счастью, не продолжалось. Нам удалось сменить комнату, договорившись с хозяйкой квартиры о питании.

Об одном месте жительства хотелось бы рассказать подробнее. Трое учеников (Т. Лабазин, Н. Васильев и Н. Гранат) сумели снять отдельную комнату в маленьком деревянном доме, принадлежащем простой полуграмотной, но очень приятной русской женщине. У неё был при доме свой небольшой сад и огород. Она обязалась нас и кормить, а вернее готовить для нас пищу с условием, что мы сами будем доставать основной продукт питания – мясо. Шел первый год

империалистической войны. Помню, что по рекомендации какого-то человека Лабазин и Васильев отправились на бойню и купили более половины коровьей туши. Крестьянские дети знали, как ее надо выбирать. Тушу на тележке привезли домой. Хозяйка дома разрубил ее не без нашей помощи на куски, засолила в бочке и держала в погребе. По мере надобности она доставала куски солонины и в русской печке варила обед. Днем на наш стол ставился внушительный по размерам чугунок с супом, обед был хотя и однообразным, но вкусным и сытным. На каждого приходилось по паре мисок супа и куску отварного мяса. Остатки (если оставались) доедали ужином. Прямо надо сказать, никогда так сытно мы не жили.

Но вот пришел и 1916 год. Снять квартиру в частном доме с питанием стало крайне трудно, фактически невозможно. Никто даже в 1915 г. не хотел брать на себя такие обязательства. 20 ребят остались без жилья. Вот тогда и возникла идея организовать общежитие для реалистов с полным их содержанием (т.е. фактически пансион). Кому пришла в голову эта мысль? Какие материальные блага (кроме личных средств наших родителей) были вложены в основу такой организации и из какого источника они черпались – нам не известно. Так же неизвестно, что случилось с этим общежитием после окончания нами реального училища.

С самого начала 1916 г. учебного года в Порхове за рекою в деревянном доме открылось общежитие, вместившее в себя 20 учеников реального училища. Заведовал общежитием наш преподаватель гимнастики Н.К. Вавер. Жена его выполняла обязанности экономки. Все вопросы продовольственного и бельевого снабжения нас легли на ее плечи. Где находился этот дом? Если идти из реального училища, пересечь площадь, где стоял дом Зацкого, и перейти по мосту на другую сторону реки, то направо совсем недалеко от моста – примерно в 200 – 300 шагах от него, на берегу Шелони и стоял этот дом. Ориентиром служил мост. В те годы это был металлический красивый мост, он был построен примерно в 1902 – 1903 гг. У моего отца имелся медальон, который выдавали определенному кругу людей при торжественном празднова-

нии открытия движения по этому мосту. Этот медальон представлял собою изящно выполненное изображение самого моста на голубом фоне неба и мог быть использован как брелок для мужских карманных часов.

В состав общежития входили: передняя, несколько спален, маленькая узкая столовая (с трудом вмещавшая сразу всех учеников), кухня с подсобными помещениями и жилые комнаты для администрации общежития – в эту часть мы никогда не заходили. Таким образом, ученики всегда находились под надзором старших. Но, как помнится, фактически мы были предоставлены самим себе и занимались тем, чем хотели, только, чтобы не было шума и драк. Учили уроки, не учили – никому дела не было. К этому надо добавить, что никаких комнат для занятий и развлечений не существовало. Для этого в каждой спальне у окна был поставлен стол.

Готовить заданные уроки на дом было трудно: мешал шум (спальни были проходные), иногда не было свободного места у стола. Ведь в каждой спальне проживало не менее 5 человек. Иногда приходилось готовить уроки, сидя на стуле у кровати. Основным домашним развлечением в вечерние часы, и особенно в воскресные дни, была игра в шахматы. Пристрастились мы и к игре на струнных музыкальных инструментах. Откуда у нас взялись гитары, балалайки, мандолины – я не знаю. Может быть, приносили из дома друзья по училищу. Постепенно создавался небольшой струнный оркестр. Участвовали в нем живущие не только в общежитии, но и вне его – т.н. «посетители» общежития. Периодически наш струнный оркестр выступал в военном госпитале, развлекавая раненых своей игрою. Это не вызывало для нас особых трудностей, т.к. один из госпиталей находился вблизи от общежития, на одной с ним параллели за Шелонью.

Шло время, и постепенно наша жизнь стала усложняться, стало ухудшаться питание. Вначале среди живущих ходила версия, что существование общежития частично поддерживалось средствами кружка порховских дам-благотворительниц и что за последнее время они снизили размер своих благодеяний. Кто это выдумал, мы не знали, так же как и не понимали, что постепенное ослож-

нение жизни не было тогда локальным явлением. Мы знали, что наши аппетиты возрастают, не находя должного удовлетворения. Наступило время, когда ученики, живущие в общежитии, стали ощущать недоедание (жили впроголодь), и все разговоры, с чего бы они не начинались, всегда сводились к одному и тому же: «хорошо бы сейчас чего ни будь пожевать...». Но некоторые люди жили иначе. Прошедшие 70 лет не изгладили картину из памяти. Ясно помню, что пришел в какую-то купеческую семью. В столовой на полу, стоя на четвереньках, полупьяный хозяин возится с собакой, держа в зубах большую баранку. Он наскакивает на собаку, а та схватывает баранку с другой стороны, и тянут они в разные стороны, пока баранка не разрывается. Тогда в ход идет другая баранка, третья и нет, кажется им, конца. В этой семье о недостатке продуктов не думали.

В общежитии утром учащиеся получали какую-либо кашу и к чаю ограниченный (но достаточный по размерам) кусок хлеба: если черного, то с небольшим куском масла; если белого, то без масла, право выбора оставалось за учеником. К обеду ученики возвращались из реального училища голодные, как волки в зимнюю пору. Со страшным нетерпением ждали приглашения к обеду. Когда раздавался призыв мадам Вавер идти в столовую, туда не шли, а врвались. В памяти остался длинный стол в этой маленькой комнате, где сидеть было неудобно, а на столе расставленные алюминиевые миски с супом. Хотелось сразу же плюхнуться на эту скамью, но не разрешалось. Вначале надо было стоя прочесть молитву. Как ее читали, с какой быстротой? – стыдно вспомнить. Если на свете есть Бог, то за наше поведение и за такое чтение молитвы он все же нас простил бы. Но нас не прощали взрослые люди. Мы постоянно получали от них замечания и были случаи, когда заставляли молитву повторить вновь. Какое жестокое наказание. Чем и как нас кормили за обедом – не помню, но то, что каждый из нас был отличным спринтером в поглощении еды – помню до сих пор. Особо плохо обстояло дело с ужином. Именно в это время ученики убеждались в правоте английской пословицы, говорящей, что «ужин надо отдать врагу». Такой ужин заслуживал только враг – так ему и надо.

В результате, постепенно стала культивироваться мысль об экспроприации, а попростому говоря, мальчишки из порядочных семей решили, что пора воровать продукты, правда, не выходя за стены общежития. Ассортимент наворованного был однообразным. На чердаке, используя отодвигающуюся доску над дверью, стали «добывать» из большой бочки квашеную капусту. Еда, конечно, неважная, но когда голоден, то и капуста идет впрок. К счастью, не были мы ни разу пойманы и остались «честными» мальчишками. Проблески такой жизни появились к началу 1917 г. В декабре 1916 г. накануне зимних каникул (когда все разъезжались по домам) проживающие в общежитии собрались в спальню старшекласников, чтобы вместе провести последний вечер, были и «посетители». У меня остался на память о том вечере преподнесенный мне подарок. У меня была большая обложка от какой-то хозяйственной книги. Вот товарищи по общежитию и сделали на ней дарственные надписи. На внутренней стороне правой части обложки расписались постоянные «посетители». С. Фуфаев нарисовал карикатуру: старый толстый врач, закончив работу, идет к шкафу, чтобы поставить в него книгу. В это время два лакея приносят ему на подносе обед – два блюда (знал Фуфаев что нарисовать!). А внизу подпись: «Довольно медицины». Друзья были осведомлены, что хозяин обложки мечтает стать врачом. На левой стороне обложки писали только живущие в общежитии. В самой ее средней части – Г. Лабазин оставил крупным шрифтом след в виде надписи: «Голодное общежитие, прощай!», а вокруг этой надписи расписались все остальные. И было всего 19 подписей, сделанных 19 декабря 1916 г. На наружной стороне обложки остались вензелем выписанные три буквы ПРУ – Порховское реальное училище. Неплохой достался мне сувенир.

Личных воспоминаний о первой империалистической войне осталось немного. Прежде всего помнится, что реалистов старшего класса иногда привлекали к переноске раненых. На станцию прибывали военносанитарные поезда, чаще всего состоящие из обычных товарных вагонов. Раненых выгружали на перрон, где и сортировали: часть

из них шла в город самостоятельно до госпиталя, некоторых отвозили на пролетках или санях, а некоторых приходилось перевозить в город на носилках. Перенести даже вчетвером одного раненого представляло при отсутствии наплечных лямок большие трудности.

Еще в памяти осталось два случая, характеризующих положение солдат в царской России. В конце 1915 г. один из учеников реального училища (Ромка Фукс ?) сбежал на фронт. Его поймали в дороге и вернули. Он вновь сбежал и исчез из нашего поля зрения. Спустя примерно год, когда мы были на каком-то общественном праздничном вечере, появился наш беглец – наголо обстриженный в солдатской форме. Приехал на побывку домой. Представьте радость встречи. И неожиданно перед нами появился какой-то офицер. Он подозвал к себе солдата-подростка и приказал ему немедленно покинуть помещение. Все наши просьбы ни к чему не привели. Нижнему чину быть в помещении не полагается.

Помнится и другой случай. Жили реалисты в общежитии, и повадился по воскресеньям являться к поварихе какой-то солдат. Придет и ждет ее около общежития. А если реалисты высовывались в окна, то имел он плохую привычку их дразнить. В один из таких воскресных дней проходил мимо общежития подпоручик, преподававший реалистам военное дело (такие занятия ввели в годы войны). И вдруг один из учеников младшего класса пожаловался ему на солдата. И этого было достаточно. Ничего ни у кого не спрашивая, подошел офицер к солдату, стоявшему перед ним «на вытяжку», сказал ему пару слов, размахнулся и ударил по лицу. Солдат продолжал стоять как вкопанный, затем по команде офицера резко повернулся и ушел.

О том, что происходило в Порхове в канун Октябрьской революции и по ее свершению, в памяти ничего конкретного не осталось. Да реалисты и ничего не понимали, что происходит. Но помню, сразу же или спустя некоторое время после получения сведений о событиях в Петрограде, я увидел, как по набережной двигалась небольшая группа людей с лозунгами, приветствующими возникновение в стране новой власти. Шли они не

рядами, а сплошной группой и было их всего 15 – 20 человек, не более. В составе их были и женщины. Ясно помню посреди группы человека в солдатской расстегнутой шинели. Шли они быстро и молча. Осталось в памяти, что также безмолвно глядели на них стоящие на тротуаре горожане. Кто были эти люди – не знаю.

И второе событие. Совсем недавно (с 16 по 19 декабря 1985 г.) по центральному телевидению демонстрировался художественный фильм «20-е декабря». На одном из кадров показывался имевший место в 1918 г. террористический контрреволюционный акт в виде попытки массового спаивания населения для распространения ложных слухов и вызова недовольства по отношению к рабоче-крестьянской власти. И смотря на этот кадр, я вспомнил Порхов. Я был свидетелем того, как толпа каких-то людей разграбила в Порхове винный завод, и началось что-то невообразимое. Чем все это кончилось – не знаю, ибо быстро постарался уйти. Помню, что слышал единичные выстрелы и видел человека, раненого в живот.

Начался последний учебный год. В поведении выпускников произошли большие изменения. На уроках они продолжали держать себя достойно, но кончались занятия, и с ними кончалась дисциплина. Гурьбой, с шумом ходили по улицам. Иногда в вечерние и даже ночные часы посещали какие-то сборища, происходившие в городской (уездной ?) Управе. А там шли диспуты порой явно антисоветского характера.

В конце февраля 1918 г. состоялся скромный выпускной вечер. Свою речь перед выпускниками директор училища В. И. Бувеский закончил словами: «... не голос формальной обязанности руководит мною, а чувство искреннего благожелательства к тем, для кого все мы – педагоги отдавали лучшие свои силы. И как знак этой благожелательности, прошу каждого из Вас принять от меня на память все сказанное мною в печатном приложении». И он вручил каждому воспитаннику сброшюрованные листы бумаги с напечатанной его речью. Она была подписана: «директор и преподаватель русского языка 1-го выпуска учеников Порховского реального училища В. Бувеский». Перечиты-

вая ее, приходится, к сожалению, констатировать, что не только мы – ученики училища, но и директор его не понял в то время всю сущность и важность событий, произошедших тогда в стране, как не осознали это сразу многие, даже лучшие представители русской интеллигенции.

Через два – три дня я навсегда покинул г. Порхов.

Февраль 1986 г.

Фонды Порховского краеведческого музея (ПКМ). Ф. 48 – Г.

Примечания

- 1 Порховское реальное училище располагалось на Соборной площади города. Белой церковью, о которой говорит автор, являлась либо соборная церковь Святой троицы, либо Благовещенская церковь. (*М.В. Васильев*).
- 2 В данном случае, речь идет о памятнике в честь промышленника - уроженца г. Порхова В.Г. Жукова. Бюст «незабвенному благодетелю порховичей» был установлен на средства благодарных жителей города по инициативе Порховской городской думы 21 апреля 1905 г. и располагался на Смоленской улице рядом с домом детского приюта. (*М.В. Васильев*).
- 3 Закон Божий преподавал реалистам порховский священник Виктор Ильинский 1868 г.р. (ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 37. Л. 2 – 4. – *М.В. Васильев*).

Порховъ. Центральная часть города и Троицкий соборъ постр. въ 1782 г.

Порховъ

